

Дверь между мирами

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дверь между мирами

«Автор»

2026

Диковинный С.

Дверь между мирами / С. Диковинный — «Автор», 2026

Однажды юноша открывает портал в другой мир и оказывается втянутым в невероятные события: знакомство с таинственной цивилизацией, опасное путешествие, похищение, заговор олигарха и спасательная операция, в которой участвуют военные из параллельной реальности. Но самое удивительное ещё впереди — между двумя мирами устанавливается первый контакт, а в Москве появляется настоящее посольство неизвестной цивилизации. Повесть Сергея Диковинного «Дверь между мирами» — это захватывающая история о приключениях, дружбе, любви и научном открытии, способном изменить судьбу человечества. Ведь иногда одна дверь ведёт не просто в другой мир, а навстречу самым важным людям в жизни.

© Диковинный С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Диковинный Дверь между мирами

ПРОЛОГ

После вспышки РДС-37 над полигоном ещё долго стоял свет.

Он не расходился, как обычное сияние взрыва, а будто задержался в морозном воздухе, заполняя степь от земли до низких облаков. Снег посинел, бетонные сооружения отбрасывали тени, направленные в разные стороны, а стрелки приборов застыли на отметках, которых не существовало ни в одной таблице.

Потом огненный шар начал сжиматься.

Это заметили не сразу. Люди привыкли к разрушению: оно следовало за взрывом закономерно, почти буднично. Но теперь разрушение шло вспять. Огненная полынья над степью стягивалась к центру, края её морщились и втягивались, как ткань, затягиваемая невидимой рукой.

Воронцов, молодой физик из теоретической группы, увидел первым.

В самой середине пылающего облака оставалась чёрная щель. Она была совершенно прямой — вертикальная, с горизонтальной перемычкой наверху. Удивительно правильная. Не трещина, не провал, не распад материи.

Дверь.

— Там что-то есть, — сказал он.

Полковник Крылов посмотрел на него с усталой досадой:

— Там ничего не может быть.

Но это было слабое возражение. За чёрным проёмом уже виднелся другой пейзаж.

Сначала — такая же степь. Потом — ряд металлических мачт, перехватывавших небо сложными рамами. Затем показался поезд.

Он двигался без дыма, но с тяжёлым, внушительным рокотом. Его головной вагон напоминал бронированный локомотив: клёпаные листы, медные трубы, огромные фары в защитных кожухах. По бокам вращались маховики, хотя никакой видимой необходимости в них не было. Вдоль состава шли голубые разряды, перебегая от катушки к катушке.

— Дизельная тяга? — спросил кто-то.

— Не только, — ответил Воронцов. — Смотрите на стабилизаторы.

Поезд остановился. Из него вышли люди в серых шинелях и кожаных шлемах. На груди у каждого сверкал знак, похожий на шестерню, внутри которой была заключена пятиконечная звезда.

Они тоже увидели землян.

Между двумя мирами повисла тишина — невозможная после ядерного взрыва.

Один из чужих людей поднял руку. На его перчатке зажглись маленькие зелёные огни, и над землёй возникло изображение: карта Советского Союза, но испещрённая сияющими линиями. Они пересекали Урал, уходили к полярным станциям, связывали города Сибири, пустыни Средней Азии и морские платформы на Каспии.

Над картой вспыхнула надпись:

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

— Такой же, — прошептал Крылов.

— Не такой, — ответил Воронцов.

Изображения за разрывом менялись. Возник город — знакомый по очертаниям и совершенно чужой по духу. Широкие проспекты, над которыми висели мосты трубопроводов. Дома из тёмного стекла и рифлёного металла. Между ними — громоздкие башни с медными куполами, дымовыми трубами и вращающимися антеннами.

По улицам двигались автомобили, похожие на сухопутные катера. Их корпуса были обтекаемыми, но нарочито тяжёлыми; на капотах стояли хромированные цилиндры, по бокам пульсировали лампы. Над площадями проходили дирижабли, обшитые чёрным металлом. Их гондолы светились изнутри, а вокруг винтов струились тонкие нити голубого огня.

Это был СССР, каким он мог бы стать в другом развитии истории.

Технически развитый, но не отказавшийся от тяжёлой красоты машин. Мир, где людям нравились дизели, поршни, рычаги, гул турбин и бронзовый блеск механизмов. Где даже самые сложные устройства сохраняли видимые детали работы — не скрывали силу, а показывали её.

Однако механика там имела странного спутника.

Над заводами мерцали символы, похожие на формулы. Внутри прозрачных резервуаров плавали светящиеся геометрические фигуры. На крышах зданий стояли медные круги, исписанные уравнениями и знаками, напоминавшими старинные печати.

Воронцов понял: перед ними не просто иной уровень техники.

Это была техно-магическая цивилизация — не вернувшаяся к суевериям, а сумевшая поставить непонятные силы на службу разуму. Там заклинания проверяли приборами, а чудеса заносили в государственные стандарты.

Дверь тем временем уменьшалась.

Её края продолжали стягиваться, но сама она не исчезала. В конце концов остался прямоугольный проём высотой около трёх метров и шириной в два. Он висел над почерневшей землёй, окружённый холодным голубым сиянием.

С другой стороны донёсся голос:

— Не закрывайте переход.

— Мы не умеем его удерживать! — крикнул Воронцов.

— Умеете. Только ещё не знаете как.

Чужой инженер подошёл к двери. На его плечах были закреплены два небольших цилиндра. Он соединил их кабелем, повернул кольцо, и воздух вокруг проёма загудел.

— Что вы делаете? — спросил Крылов.

— Привязываем его к координате.

— К какой?

Инженер посмотрел на них с выражением, в котором смешались тревога и удивление.

— К вашей.

В тот же миг дверь дрогнула.

Она не двинулась в пространстве — пространство двинулось вокруг неё. Степь исчезла, затем возникла вновь, но уже другой: вместо редких бетонных сооружений за порогом виднелся лес, потом каменная площадь, потом зал с рядами приборов. Каждое изображение держалось несколько секунд.

Учёные быстро поняли: переход можно перемещать.

Не переносить, не перевозить, а словно вырезать из одного места и вставлять в другое. Дверь была не объектом, а разрывом, закреплённым на выбранной точке мира.

Эту возможность засекретили немедленно.

Приказы шли по инстанциям. Радиogramмы уничтожались после прочтения. Свидетелей разделили, отчёты переписали. Для внешнего мира испытание осталось испытанием, страшным, но объяснимым. Только в нескольких кабинетах Москвы знали, что рядом с Семипалатинском существует прямоугольник пустоты, за которым находится иной Советский Союз.

Через трое суток к полигону прибыл специальный поезд.

Он был обычным лишь издали. Внутри вагонов располагались генераторы, экранирующие устройства и странные приборы, изготовленные по рисункам чужой стороны. Дверь окружили металлической рамой, закрепили в ней кабелями и медными шинами. Когда включили питание, проём перестал дрожать.

Затем его переместили.

Путь до Москвы занял двенадцать часов.

Для наблюдателей из военной охраны это выглядело так, будто поезд везёт тяжёлую пустую раму. Но рама была лишь границей. Внутри неё не было ни воздуха, ни снега, ни стен вагона — только неподвижная голубая глубина.

На одной из станций, когда состав проходил через заснеженное поле, солдат заглянул в раму и увидел там чужой город. Он заметил, как по мосту проехал бронзовый трамвай, а над ним медленно вращались огромные шестерни небесной конструкции.

Солдат перекрестился.

— Не надо, — сказал ему офицер. — Это не нечистая сила.

— А что же?

Офицер помолчал.

— Пока неизвестно.

В Москве дверь установили в подвале недостроенного здания, предназначенного первоначально для архивного учреждения. Над ним за несколько месяцев выросло строгое, тяжёлое сооружение из гранита, стекла и стали.

На фасаде высекли:

ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВРЕМЕНИ.

Название придумали не сразу. «Институт межпространственных связей» показался слишком прямым. «Институт параллельных миров» — опасно фантастическим. Наконец остановились на времени: оно скрывало и историю, и пространство, и самую главную мысль — что по ту сторону находилась не чужая планета, а мы сами.

Под зданием разместили дверь.

Вокруг неё возвели круговую галерею. В стенах установили приборы, катушки, манометры и массивные дизельные генераторы. Учёные не доверяли только электричеству: после первой попытки дверь начала закрываться, и её удалось стабилизировать лишь тогда, когда в работу включили старый корабельный дизель. Его тяжёлый ритм — ровный, уверенный, почти человеческий — совпал с пульсацией разрыва.

С тех пор генератор не выключали.

За стальной дверью подвала мерцал прямоугольник голубого света. По ту сторону находилась Москва другого мира.

Там уже знали о земном институте. Периодически появлялись фигуры чужих инженеров, военных и историков. Они приносили приборы, книги, образцы металлов, фотографии городов. Земляне отвечали своими картами, чертежами и вопросами.

Самым трудным оказалось не объяснить различие в технике.

Самым трудным было понять, почему два одинаковых народа, говорившие на одном языке и называвшие себя одним именем, пришли к разным представлениям о будущем.

Чужие историки утверждали, что у них в решающие годы удалось избежать нескольких войн между научными школами, не уничтожить часть исследовательских центров, не превратить талант в собственность ведомств. Земные историки находили в архивах подтверждения и спорили до утра.

Но оставалась одна странность.

Гости из параллельного СССР почти никогда не проходили дальше подземного этажа. Они долго смотрели на стены, на кабели, на грубые металлические конструкции, потом улыбались.

— Вам нравится такая техника? — однажды спросил Воронцов.

Чужой инженер, державший в руках тяжёлый латунный прибор, пожал плечами.

— Конечно. Она честная.

— Что значит — честная?

— Её сила видна. Она не притворяется чудом.

И тогда Воронцов понял: различие между мирами заключалось не только в событиях прошлого. Оно было в отношении к будущему. Одни стремились сделать машину невидимой, лёгкой и бесшумной, словно избавиться от самой памяти о труде. Другие любили её тяжесть, её ритм, блеск металла, открытое движение поршней. Для них техника оставалась частью культуры — почти искусством.

Дверь продолжала стоять в подвале.

Два метра шириной, три метра высотой.

Обычный размер двери — слишком обычный для прохода между мирами. За ней гудели дизели, вспыхивали электрические руны, двигались города другой истории. Перед ней стояли люди, которым предстояло решить, станет ли переход мостом или оружием.

Наверху, в институте, круглые сутки работали учёные. На стене главного зала висела карта двух миров, нанесённых одним цветом.

Под картой была надпись:

«История не имеет запасного пути. Но у человечества есть возможность увидеть, каким он мог быть».

А внизу, за герметичной дверью, мерно работал дизель.

Его гул проходил через фундамент, через стены и лестницы, поднимался к московскому небу. Он напоминал о далёком взрыве в казахстанской степи — о мгновении, когда человек попытался разорвать материю и случайно разорвал собственную уверенность в единственности мира.

Описать, как после взрыва водородной бомбы 22 ноября 1955 года на полигоне в Семипалатинске произошел разрыв пространства и образовался переход в другой мир, в параллельный мир. Им оказался тот же СССР, жизнь в котором развивалась по другому сценарию. Это техно-магическая цивилизация в которой превалирует дизельпанк. Просто людям он нравится... Разрыв пространства начал стягиваться, но не сомкнулся окончательно. Осталась дыра два на три метра, как будто специально под размер двери. Оказалось, что эту "дыру" можно перемещать. Каким-то непонятным образом, в режиме чрезвычайной секретности её переместили в Москву и над ней построили здание "Института исследования времени". Саму дверь в параллельный СССР разместили в подвале. Литературно описать это событие в стиле советского писателя фантаста Ивана Ефремова. Использовать предыдущий отрывок. К нему написать продолжение: При распаде СССР в 1991 году про портал забыли. Этот проект стал никому не нужен. И физик Воронцов, ставший полковником КГБ, наглухо закрыл дверь в параллельный мир и замуровал вход в подвал.

Продолжение. Камень

Много лет дверь оставалась открытой.

Сначала к ней приходили ежедневно. В подземных залах Института исследования времени сменялись группы физиков, историков, инженеров и военных специалистов. Они сверяли часы двух миров, изучали составы металлов, сравнивали карты, записывали рассказы людей, пришедших из-за голубого прямоугольника.

Потом любопытство уступило место работе.

Переход перестал быть чудом и стал учреждением — со штатным расписанием, пропусками, инструкциями и папками. На его содержание требовалось топливо, на охрану — люди, на исследования — средства, которых с каждым годом не хватало. В мире по ту сторону двери продолжали греметь дизели, ходить по воздушным трассам тяжёлые дирижабли и сиять над городами медные круги магических преобразователей. В мире по эту сторону всё чаще говорили о дефиците, экономии и временных трудностях.

Дверь не изменилась.

Она по-прежнему была шириной два метра и высотой три. За ней лежал другой СССР — более странный, более тяжёлый, наполненный шумом машин и спокойной уверенностью людей, сумевших придать своим мечтам форму. Там знали о земных кризисах, о сменах руководителей, о тревоге, накапливавшейся в газетах и разговорах. Но с каждым годом встреч становилось меньше.

Воронцов продолжал приходить в институт.

Он давно перестал быть молодым физиком. Теперь на его плечах лежали погоны полковника государственной безопасности. Лицо его стало сухим, неподвижным, а волосы поседели на висках. Только глаза сохранили прежнюю особенность — внимательное, почти болезненное стремление увидеть за явлением его истинную причину.

Он часто стоял перед дверью один.

За разрывом в такие минуты появлялся чужой город. Его улицы были залиты зимним светом, над крышами медленно вращались огромные винты, а по мостам шли поезда, похожие на броненосцы. Иногда в глубине проёма возникала фигура человека по ту сторону. Они обменивались короткими поклонами, не произнося слов.

Слишком многое уже было сказано.

Воронцов знал, что дверь можно было переместить. Знал, что переход удерживается не столько аппаратурой, сколько сложным совпадением физических условий, ритмов и полей. Знал также, что однажды связь может стать неуправляемой.

И потому он боялся не врага.

Он боялся людей, которые однажды решат, что иной мир — это запасная территория, источник технологий или оружия.

В конце восьмидесятых годов в институте стало холодно. Сначала отключили часть отопления. Затем сократили охрану. Потом исчезли средства на экспедиции и обслуживание генераторов. На совещаниях всё реже произносили слова «будущее человечества» и всё чаще — «лимит», «фонд», «рентабельность».

По ту сторону двери этого не понимали.

Их представители однажды спросили:

— Почему вы перестали строить?

Воронцов ответил:

— Мы временно перестраиваемся.

Старый инженер из другого СССР посмотрел на него без упрёка. В его взгляде было только то спокойное внимание, которое бывает у людей, наблюдающих за болезнью, ещё не осознавшей себя болезнью.

— История не любит, когда ей дают ложные имена, — сказал он.

В 1991 году здание Института исследования времени опустело почти мгновенно.

Сначала исчезли люди из министерств. Затем вывезли часть аппаратуры. Потом сменились таблички на дверях. На первом этаже несколько месяцев помещалась комиссия, занимавшаяся приватизацией имущества. Никто из её членов не знал, что находится под ногами.

Архивы переходили из одного ведомства в другое. Папки терялись. Печати отменялись. Телефоны молчали.

Государство, создавшее институт, распалось.

Для нового времени проект оказался никому не нужен.

Он не приносил дохода, не обещал немедленной военной выгоды и требовал слишком многих объяснений. Мир за дверью не числился ни в одном реестре. Его нельзя было включить в договор, обменять на нефть или предъявить в качестве доказательства политического успеха.

Воронцов понял: если он ничего не сделает, дверь погибнет не в огне и не в результате научной аварии. Её просто забудут.

А забвение, думал он, иногда страшнее разрушения.

Последний приказ он отдал в конце декабря.

В подвал спустились пятеро: два инженера, трое сотрудников охраны и Воронцов. На стенах погасли контрольные лампы. Вдоль галереи стояли приборы, покрытые пылью. Большой дизель, поддерживавший ритм перехода, работал неровно; его поршни двигались с тяжёлым кашлем больного зверя.

За дверью был вечерний город другого мира.

Там шёл снег. На площади горели зелёные фонари, по рельсам двигался поезд с медными боками. На его крыше светились знаки, похожие на письма древней науки. У самой границы перехода стояла женщина в тёмной форме. Она была уже немолода.

Дочь Воронцова.

В его мире она никогда не родилась.

Женщина подняла руку, и на её ладони возник слабый золотой огонь.

— Вы закрываете путь, — сказала она.

— Временно.

— Вы сами в это верите?

Воронцов долго молчал.

За его спиной инженеры готовили аппаратуру. На полу лежали кабели, стальные пластины, баллоны с охлаждающим составом. Воронцов смотрел на другой СССР, на этот спокойный и тяжёлый мир, где машины гремели открыто, не стыдясь своей силы, а люди, по-видимому, ещё верили в продолжительность истории.

— Я закрываю его не от вас, — ответил он. — Я закрываю его от нас.

Женщина поняла.

Она не стала спорить.

— Дверь можно будет открыть снова, — сказала она.

— Если кому-нибудь это понадобится.

— Нет. Если кто-нибудь сумеет вспомнить.

Они начали процедуру.

Сначала отключили внешний контур. Голубое свечение вокруг проёма стало темнее. Машины по ту сторону замедлились, словно удалялись. Затем исчезли огни города, растаяли очертания людей, погасли медные круги над крышами.

Осталась только женщина.

Она смотрела на Воронцова, и он вдруг почувствовал, что видит не чужую дочь, а собственную возможность — жизнь, которая могла продолжиться иначе.

Переход стал сжиматься.

Два метра.

Полтора.

Метр.

Голубой прямоугольник сделался узким, как щель между дверью и стеной. Воронцову показалось, что издали доносится тяжёлый ритм дизеля. Тот же звук он слышал в 1955 году, когда впервые понял: пространство не является неподвижной сценой для человеческой истории. Оно способно ответить.

— Прощайте, полковник, — сказала женщина.

— До встречи.

Он не знал, правда ли это.

Проём исчез.

Но пустота осталась. В стене подвала зияла тёмная прямоугольная ниша размером два на три метра. Приборы показывали отсутствие всякого прохода. За бетоном находилась обычная земля, обычный фундамент, обычная ночь.

Инженеры установили стальные листы, залили нишу бетоном и облицевали стену кирпичом. Воронцов лично проверил каждый шов. Затем поверх кладки нанесли несколько слоёв штукатурки.

— Может быть, оставить отметку? — спросил один из молодых сотрудников. — Для будущих работ.

Воронцов посмотрел на свежую стену.

— Нет.

— Но если переход можно открыть...

— Тогда найдут и без отметки. А если не найдут, значит, время ещё не пришло.

На следующий день институт закрыли.

Через год в здании разместили архив одного из ликвидированных ведомств. Позже часть помещений заняли коммерческие фирмы. Название на фасаде сняли. Гранитные буквы исчезли под серой штукатуркой.

Люди перестали помнить, для чего был построен этот дом.

Сам Воронцов прожил ещё много лет. Он вышел в отставку, перебрался в маленькую квартиру на окраине Москвы, редко встречался с бывшими коллегами. Иногда по ночам ему снился другой город — не как сон, а как воспоминание о месте, где он никогда не был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.